

Даньчжоу благополучно пережил происшествия, чьи причины скрывались во мраке, и быстро вернулся к обычным спокойным дням. Никого, похоже, не волновало, кем приходился старому продавцу овощей Ха тот человек, что погиб вместе с ним в огне. У властей не было объяснений о причине пожара, но людей это не особо интересовало.

Общественный порядок в Даньчжоу всегда поддерживался на высоте. Благодаря наблюдательности и строгости местных городских стражей у беглых преступников и авантюристов, которых так много встречалось на севере, не было ни шанса пожить в городе. Из-за перемещения центра торговли на юг, Его Величество освободил семь округов, граничащих с Даньчжоу, от уплаты налогов. Хотя это и не принесло мгновенного богатства жителям этих мест, но благодаря этому указу у них всегда была еда на столе и таких беспорядков после неурожая, как тридцать лет назад, здесь больше не происходило.

Хотя Даньчжоу располагался у моря, переменчивая погода региона не влияла на темперамент людей: народ в городе по большей части обладал мягким нравом. Горожане вели себя спокойно и уважительно по отношению к знатым семьям, таким как дом графа Сынаня, относясь к ним с почтением и уважением. Хотя все знали, что Фань Сянь был незаконнорождённым ребёнком, люди всё равно называли его молодым господином Фань и никогда не выказывали презрения, которое, возможно, испытывали. Это беспокоило Фань Сяня.

Кроме того инцидента с управляющим Чжоу, когда Фань Сянь продемонстрировал, как ведут себя настоящие отпрыски благородных семей, ему больше не представлялось возможности снова продемонстрировать свой крутой нрав. Когда он гулял по улицам Даньчжоу, люди всегда вели себя приветливо и уважительно по отношению к нему и никто не пытался его провоцировать.

В его теле медленно накапливалась истинная ци, очищая и укрепляя меридианы. Большая часть энергии успокаивалась, когда скапливалась в области сюешань внизу спины, но было неясно, какой в этом прок.

В этом мире от начала и до конца Фань Сянь всегда вёл себя как серьёзный и разумный человек. Но дни тянулись так долго, и он начал ощущать, что слишком сдерживает себя. Теперь, когда он убедился, что достаточно силён, чтобы убить подосланного убийцу, он с нетерпением ждал того дня, когда сможет поиграть в героя, неся в мир справедливость и спасая красивых женщин. Но в Даньчжоу всё было спокойно. Слишком спокойно.

**

Умиротворяющие благовония горели в кабинете. Их лёгкий аромат приносил душе покой. Фань Сянь держал в руках изысканную кисть и писал на бумаге шириной примерно в четыре ладони. Из-за того, что письмо в этом мире делилось на два стиля: современный и классический, люди писали либо гусиным пером, либо кистью. Гусиное перо было удобнее для быстрого письма. Оно часто применялось в управе столицы. Когда Фэй Цзе прибыл в Даньчжоу, чтобы обучать мальчика, он тоже использовал перо.

Но чтобы правильно заточить гусиное перо, требовалось большое мастерство. При долгом использовании кончик достаточно быстро деформировался, поэтому перья не получили широкого распространения.

Фань Сянь предпочитал кисть. Во-первых, он считал, что раз уж так удачно сложилось и в этом мире использовались китайские иероглифы, то, конечно, письмо при помощи кисти гораздо изысканнее. Он решил усердно практиковать каллиграфию, чтобы избежать конфузов.

А во-вторых, ему казалось, что история, которую он сейчас писал по памяти, достойна только каллиграфической красоты кисти.

Сысы, его личная служанка, сжимала в тонких пальцах чернильную палочку, медленно и спокойно растирая её о чернильный камень по часовой стрелке. Её взгляд упал на строки, написанные её господином:

«...Когда Цинь Чжун увидел Чжинэн одну, моющую чайные чашки, он подбежал к ней и поцеловал. Чжинэн была ошарашена и топнула ногой.

— Что ты делаешь! Только попробуй повторить, и я начну кричать и звать на помощь!

— Моя госпожа, молю вас, я весь в огне, — сказал Цинь Чжун. — Если вы не сделаете того, о чём я сегодня попрошу, то я умру на месте.

— Чего ты от меня хочешь? — спросила Чжинэн. — Я сделаю то, что ты скажешь, только если ты поможешь мне сбежать из этой тюрьмы и покинуть этих людей.

— Это можно устроить, — сказал Цинь Чжун, — но воды вдали неспособны утолить срочную жажду...»

Сысы посмотрела на страницу и покраснела:

— Как Чжинэн может быть такой бесстыдной?

Услышав её смущённый голос, Фань Сянь с любопытством поднял голову.

— Почему Чжинэн бесстыдная? — спросил он, улыбаясь. Когда он был в кабинете или других местах, где его никто не видит, мальчик часто звал служанок. Это привычка началась ещё с Дун'эр. Служанки не могли отказать ему, а старую госпожу это не волновало, поэтому они делали всё то, о чём он их просил. Девушки давным-давно привыкли к такому поведению, для них в этом не было ничего странного.

Щёки Сысы заалели, как облака на рассвете.

— Эта монашка, — сказала она, запинаясь, — она говорит и ведёт себя так беспечно... но молодой господин, что такое монашка? И что за место женский монастырь Маньтоу?

Фань Сянь захихикал. «Подожди, пока я не дойду до недозволительных отношений Цинь Чжуна и Чжинэн, — подумал он. — Затем ты узнаешь, что означает настоящая беспечность». Но вопрос Сысы заставил его кое-что осознать: если в этом мире нет буддизма, то нет и монахов, а тем более монашек.

Мальчик почесал голову. Он не был уверен в том, как объяснить ей это.

— Монашки — это что-то вроде отшельников, — в конце концов ответил он. — А женский монастырь Маньтоу — это что-то вроде храма.

Сысы была шокирована:

— Молодой господин, не пишите такие вещи! Храм скрыт в небесной дымке и его обитатели испытывают сострадание к обычным людям. Храм далёк от мирской суеты, как он может быть таким грязным местом?

Фань Сянь не стал больше ничего объяснять.

— Понимаю, — улыбаясь, сказал он. — Я буду осторожнее.

Он написал ещё немного, после чего его посетила новая мысль. Он приказал Сысы уйти, чтобы она не увидела его похабные тексты и не рассказала всё графине. Когда мальчик был помладше, он рассказывал Дун'эр страшные истории. Девушка подумала, что мальчика научил им учитель, и всё рассказала госпоже. В результате Фань Сяню пришлось дни напролёт писать заученные в ходе занятий строки в качестве наказания.

Сысы ещё раз попросила его быть осторожным, положила чернильную палочку и ушла. Наблюдая за тем, как она грациозно удаляется, Фань Сянь ощутил, как его сердце взволнованно забилось.

Взяв кисть, Фань Сянь начал размышлять. Восстановление по памяти «Сна в красном тереме»* оказалось труднее, чем простое копирование нескольких поэм великих мастеров. Он начал писать год назад, и это была уже его пятнадцатая попытка. К счастью, по неизвестной причине его память была невероятно ясной. Мальчик мог вспомнить свою прошлую жизнь без малейших пробелов. И в самом деле, ему несказанно повезло, что память была настолько чёткой, в конце концов Фань Сянь мог без труда вспомнить красивую и сложную прозу Цао Сюэциня.

Единственная проблема, с которой он столкнулся, состояла в том, что герои и их окружение были абсолютно чужды этому миру. Мальчик не знал, поймут ли что-то люди, которые

прочитают это, поэтому некоторые части нужно было изменить. Но он по-прежнему верил в свою версию «Сна в красном тереме». Корова останется коровой, независимо от того, куда ты её приведёшь. То же самое можно сказать и о «Сне в красном тереме».

*«Сон в красном тереме» написанный Цао Сюэцинем - наиболее популярный из четырёх классических романов на китайском языке. В системе Академии наук Китая в 1980 году даже был создан специальный институт «Сна в красном тереме».

<http://tl.rulate.ru/book/96718/794386>